

От биосферы до ноосферы: теория и практика

Т. С. Симян

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. В статье критически анализируются понятия *биосфера, техносфера, гомосфера, ноосфера, концептосфера, семиосфера*. Эти понятия-«инструменты» предлагаются как метаязык для описания культурных, социальных процессов, а также для описания политических систем. При анализе подобных проблем становится важным и острым обсуждение роли интеллектуала, «интеллектуала-хозяина», который ставит диагнозы больному обществу, авторитарным и тоталитарным режимам. Кроме того, на примере произведений детской литературы, опубликованных в советских и постсоветских учебниках, прослеживается степень рефлексированности экологического сознания, гомосферы. Наличие или отсутствие мотива вырубki / невырубki новогодних елок становится индикатором экологического сознания, ответственности его передачи следующему поколению и в советскую, и в постсоветскую эпоху. Описание данного мотива становится также зеркальным отображением ценностной составляющей политического «верха» (Главлита) и интеллектуалов (авторы, составители и т. д.) в советскую эпоху. Анализ эмпирического материала показал, что мотив вырубki новогодней елки в основном «заглушается» в учебниках советской и постсоветской эпохи.

Симян Т. С. От биосферы до ноосферы: теория и практика // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 173–197.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2019. № 1
© Т. С. Симян, 2019

Ключевые слова: биосфера, техносфера, концептосфера, семиосфера, гомосфера, ноосфера, интеллигенция, экологическое сознание, экологическая ответственность, школьные учебники, вырубка деревьев, новогодние тексты.

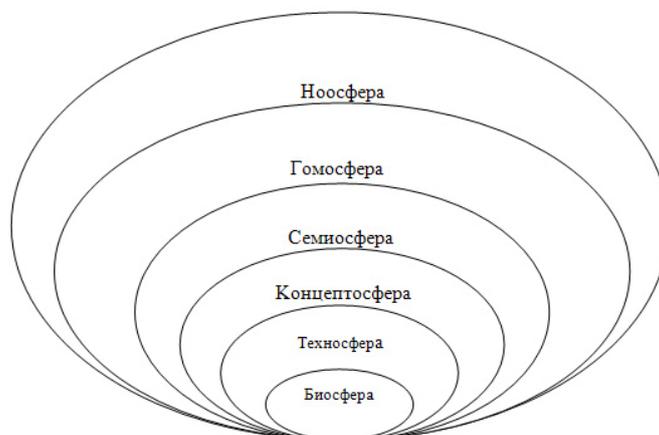
УДК 83:13

DOI 10.25205/2307-1737-2019-1-173-197

Контактная информация: Симян Тигран Сержикович, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Ереванского государственного университета (ул. Алека Манукяна 1, Ереван, 0001, Армения, tsimyan@ysu.am)

В научной литературе довольно много исследований по поводу разных «сфер». В данной статье автор попытается обобщить и синтезировать разные понятия сфер, описанные в научной литературе, а также показать на отдельных эмпирических примерах эффективность разработанного метаязыка или метапонятий. Основная цель статьи – описание, обобщение, критический анализ понятий, заключенных на «пути» от биосферы до ноосферы, а также описание эффективности и продуктивности данного метаязыка на материале школьных учебников.

В статье описывается следующая схема:

Смысл описания данной схемы заключается в следующем: эта модель может служить средством диагностирования тоталитарного и авторитарного режимов, способствовать пониманию происходящих в общественных

структурах социокультурных процессов, а также выявлению имплицитных или неосознаваемых структур.

Понятие биосфера и ноосфера

Первый слой – биосфера (материальный). Впервые это понятие ввел в научный дискурс биолог Ламарк (1744–1829). Это – «зеленая» сфера Земли, где возможно существование жизни [Вернадский, 1944, п. 4]. Границу биосферы Вернадский характеризует как совокупность материального и нематериального, включающую не только животный мир, но и геологический слой земной коры со своей биосферой [Там же]. По Вернадскому, в биосферу входит литосфера, гидросфера, атмосфера. Таким образом, биосфера распространяется на 10 км вглубь Земли и до 33 км в высоту от земного шара. Биосфера изучается биологией, экологией и другими смежными науками. Экология, в свою очередь, изучает экосистемы, как например, «хищник – жертва», «паразит – хозяин», «паразит – жертва», их взаимоотношения, а также связь «человек – природа».

«Если биология (включая учение о биосфере), – пишет А. Горелов, – исследует целостности высшего порядка, то экология изучает различные уровни целостности, промежуточные между организменным и глобальным» [2003, с. 150]. Речь здесь идет о различных экосферах. Аутоэкология, например, изучает взаимодействие «вид – среда» (популяция, среда обитания, экологическая ниша), синэкология же изучает взаимоотношения растений и животных в конкретной среде обитания (биоценоз) [Там же].

На современном этапе в центре внимания цивилизованного мира стоит связь «общественность – окружающая среда», а именно воздействие общества на биосферу. Экстренным в этих взаимоотношениях является рефлексивный подход обществ к природе, к экосистемам, и, как следствие, встают философские (этические) проблемы. Человек является частью биосферы, поэтому он должен «сотрудничать», а не «соперничать» с природой, подходить к ней бережно, с умом и заботой, чтобы не навредить окружающей среде, и в интересах своего и грядущих поколений.

Понятие «ноосфера» впервые выдвинули и научно обосновали А. Леруа, Тейяр де Шарден, а В. И. Вернадский развил его, рассмотрев как высшее проявление рационального взаимоотношения человека и природы¹. Согласно Тейяр де Шардену, формирование ноосферы проходит по следующим этапам: геогенез (молекулы) → биогенез (клетки) → психогенез (нервная система = человек) → ноогенез (ноосфера) [Горелов, 2003, с. 201]. «Человечество, взятое в целом, – пишет В. Вернадский, – становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о *перестройке биосферы в интересах сво-*

¹ Об этой проблеме см. также [Ноосфера и человек, 1991].

бодно мыслящего человечества как единого целого (курсив В. И. Вернадского). Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера» [Вернадский, 1944, п. 10]. По Вернадскому, человек становится «мощной геологической силой» в силу своих знаний и с помощью изобретенных технологий (техносфера); он с энтузиазмом участвует во всех физических, био-геохимических процессах ².

Актуальность понятия «ноосфера» обусловлено также развитием науки и историческими событиями (Вторая мировая война): «В настоящее время, – пишет Вернадский, – мы не можем не считаться с тем, что в переживаемой нами великой исторической трагедии мы пошли по правильному пути, который отвечает ноосфере» [Вернадский, 1944, п. 12].

Как уже было отмечено, осознание ноосферы предполагает морально-этический подход к биосфере, ответственность за ее эксплуатацию человеком и обществом в целом. Ноосфера необходима, чтобы созданные человеком технологии (техносфера) применялись для экономного, рефлексивного управления биосферой, по возможности не нарушающих экосистему ³. Единственно возможной исходной точкой эксплуатации человеком биосферы является гуманизм, человекоцентрическая аксиологическая система (об этом см.: [Адорно, 1989]), т. е. необходима система, охватывающая «гуманистическую сущность общества». Эту сферу Д. С. Лихачев именуется гомосферой («не человекосфера, а гомосфера») [1993, с. 523] ⁴. Выдающийся литературовед и культуролог отмечает: «Не “покорение”, а исключительно осторожное отношение – уважение и благодарность природе – вот что должно быть характерно для гомосферы сегодняшнего дня» [Там же, с. 526].

Как отмечалось выше, названная Д. С. Лихачевым сфера по смыслу приближается к ноосфере, но есть определенный семантический нюанс: гомосфера необходима для использования техносферы ⁵ с опорой на соображения гуманизма. В этом процессе активное участие должна принимать культура, призванная способствовать «вхождению» в ноосферу или обра-

² Известно, что на данном этапе развивается генная инженерия (клоносфера и пр.). В этом контексте возникают биоэтические проблемы.

³ Этими задачами занимается социальная экология, а ноосфера – моральными вопросами взаимоотношений «человек – биосфера – биоэтика».

⁴ Об этой проблеме см. также [Запесоцкий, 2006а], а об отзывах и дальнейшей судьбе данного вопроса см. [Запесоцкий, 2006а, 2006б; Путило, 2006].

⁵ Заметим, что восхваление техносферы в эстетическом дискурсе впервые встречается в первом манифесте футуризма. «Мифология, мистика, – пишет Ф. Т. Маринетти, – все это уже позади! На наших глазах рождается новый кентавр – человек на мотоцикле, а первые ангелы взмывают в небо на крыльях аэропланов! <...> Мы говорим: наш прекрасный мир стал еще прекраснее – теперь в нем есть скорость. Под багажником гоночного автомобиля змеятся выхлопные трубы и изрыгают огонь. Его рев похож на пулеметную очередь, и по красоте с ним не сравнится никакая Ника Самофракийская» [1986, с. 158, 160].

щению к ноосфере, т. е. гомосфера должна стать базой, фундаментом для ноосферы. Из вышеизложенного можно заключить, что для формирования ноосферы необходимы человеческое усилие и моральная ответственность. Как гомосфера, так и ноосфера являются критериями моральной ответственности человечества. Не случайно Вернадский осознание ноосферы связывает с демократическими ценностями. «Сейчас мы, – пишет ученый, – переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее – в новый стихийный геологический процесс – в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны» [Вернадский, 1944, п. 13].

Из цитаты становится ясно, что воюющие государства должны четко сознавать существование и биосферы, и ноосферы и не впадать в крайнюю технократию под девизом «можешь – значит, нужно» (Can – implies ought)⁶. Что касается утверждения Вернадского относительно того, что человечество вошло в стадию ноосферы, то это суждение ученого не совсем соответствует действительности. До настоящего времени его слова остаются программой будущего.

Интересно отметить, что еще до обсуждения взаимоотношений «техника – развитие – этика» в научном, философском дискурсе эта тема становится предметом обсуждения в одном эпизоде романа Томаса Манна «Волшебная гора» (Der Zauberberg, 1924). Один из персонажей романа, Сеттембрини, для «морального совершенствования человека» отводит большое место инфраструктуре (дороги, телеграф), призванной стать «надежнейшим средством для сближения народов: техника способствует их более тесному знакомству, выравнивает различия между людьми, разрушает предрассудки и должна привести к всеобщему объединению. Первоначально человеческий род вышел из мрака, страха и ненависти, сияющим путем движется он вперед и ввысь к конечному состоянию симпатии, внутренней ясности, навстречу добру и счастью. И на этом пути техника – самое передовое орудие развития. <...> Техника и мораль! – провозгласил Сеттембрини» [Манн, 1959, с. 216].

Из цитаты можем заключить, что развитие технологий необходимо поставить на службу человечеству, и поэтому Сеттембрини не ставит технический рост вразрез развитию технологий и не отделяет его от этических проблем. Проблема соотношения техники и этики в сущности созвучна задачам гомосферы и ноосферы. Заметим, что суждения Сеттембрини, по мнению автора, остаются пока проектом будущего. Эту задачу довольно глубоко описали в совместной работе М. Хоркхаймер и Т. Адорно. В труде «Диалектики просвещения» (1947) авторы разоблачают несостоявшийся проект Просвещения, торжества рационального мышления, Царства соз-

---

⁶ Подробнее об этой проблеме см. [Ленк, 1989].

нения. Хоркхаймер и Адорно критикуют и считают нереальным ноосферу в фихтеанском понимании.

А теперь рассмотрим описанный метаязыком эмпирический материал.

О проблеме формирования экосознания (на примере школьных учебников)

В последующем изложении обратимся к этическому срезу гомосферы, или, иными словами, к проблеме экологического сознания (ЭС). Следует оговорить значение данного понятия. Для автора оно имеет этическую составляющую. Исходным пунктом для подобного понимания проблемы послужила идея Д. С. Лихачева «основать философию экологии, а на ней – этику экологии» [2006, с. 317]. Одним из ключевых моментов становится конструирование в сознании подрастающего поколения *ответственного отношения* к окружающей среде, т. е. к биосфере. Большое значение имеет формирование в сознании людей экологической ответственности, что, в свою очередь, приведет к экологической или нравственной культуре ⁷.

В этом аспекте важным представляется следующее высказывание Д. С. Лихачева: «В истории существуют три этапа подхода к проблеме природы и культуры. Первый этап, который мы прошли, – насильственного изъятия у природы всего насущно необходимого. Второй этап, к которому мы переходим, – разумного изъятия, изъятия с “оглядкой”, но также насильственного, и третий этап – может быть, отдаленного будущего, – полного прекращения насилия над природой и культурой и сосуществования общего, союзного» [2006, с. 319]. Из приведенной цитаты выделим наиболее важный момент. Это третий этап – «ненасилие» биосферы, заключающийся в том, чтобы из-за нерелефлексированного использования природы не вывести экосистему из строя, из экологического равновесия, из точки устойчивости – гомеостаза.

Насколько экологическое сознание и ответственность были активны, осознавали в советскую эпоху и в наши дни для поддержания биосферы, попытаемся проследить на примере выбранных художественных текстов, опубликованных в учебниках советской и постсоветской поры. Поясним, почему данная тема рассматривается на примере школьных учебников.

Общеизвестно, что учебники являются «зеркалом» общества, выявления ментальности. В нашем случае на мотиве вырубки / невырубки новогодних елок прослеживается экологическое сознание и степень ответственности данной проблемы в советскую эпоху. Кроме того, сам анализ мотива вырубки / невырубки новогодних елок выявляет также осознанное / неосознанное, последовательное / непоследовательное отношение

---

⁷ Подробнее об этом понятии см. [Лихачев, 1980; 2006, с. 311–314].

взрослого мира к проблеме не только в советскую, но и в постсоветскую эпоху.

По сути, школьные учебники являются «первичными» текстами для верификации ценностных составляющих «акторов» политического поля и самих составителей, авторов по той или иной теме, в нашем случае вырубки / невырубки новогодних елок. Особенно в советскую эпоху входящие в состав учебников тексты являются сознательным или бессознательным выбором составителей. Всё бессознательное «очищалось» цензурой, т. е. «верхом». Интересную идею по этому поводу находим в работе Томаса Хёне «Наука об учебниках. Черты теоретического описания учебника как средства познания и коммуникации», где учебник рассматривается как «средство передачи социокультурных знаний, которое с помощью многократно отфильтрованного, структурированного и контролируемого знания представляет самовосприятие общества» (цит. по: [Хайнце, 2014, с. 448]).

По сути, эта часть данной статьи большей частью выявляет *природу подборки текстов для учебных пособий «взрослым миром»* (составителями, авторами, политическим истеблишментом и т. д.) по данной тематике, ее ценностную составляющую экологической ответственности, а не *прямой* прагматический аспект в контексте коммуникации «учебник – ученик», поскольку подобный исследовательский продукт маловерифицируем, если исследователь не реконструирует свои умозаключения на основе соцопроса школьников.

Вырубка елки в советскую эпоху эксплицитно описывается и в рассказе А. Кононова «Елка в Сокольниках» [1962]:

За ёлкой недалеко было ездить. Тут же, в Сокольниках, выбрали дерево получше, покурдрее, срубили и привезли в лесную школу. Ребята выдрили, как прибили ёлку к двум накрест сколоченным доскам, чтобы крепко стояла на полу. Потом монтер Володя провёл проволоку для освещения ёлки и подвесил к веткам электрические лампочки.

Хотя приведенный фрагмент взят из советского школьного учебника, но тот факт, что даже в одном из самых «канонических» текстов советской эпохи эксплицитно описана вырубка елки, свидетельствует наглядно, что 1920-е или 1940-е гг. она не осознавалась как нечто странное, неприемлемое, тем более недопустимое.

Интересен пример текста автора-составителя в учебнике 2-го класса Л. А. Ефросинина. В учебнике приведен отрывок из рассказа «Чук и Гек» (1939) детского писателя Аркадия Гайдара (1904–1941), в котором описывается подготовка семьи к Новому году. После того, как смастерили новогодние игрушки, мать Чука и Гека попросила топор, но сторож

...ничего ей даже не ответил, а стал на лыжи и ушел в лес. Через полчаса он вернулся. <...> Пусть игрушки были и не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек, пусть все куклы были на одно лицо – прямоносые и лупоглазые, и пусть, наконец, еловые шишки, оберну-

тые серебряной бумагой, не так сверкали, как хрупкие и тонкие стеклянные игрушки, но зато такой елки в Москве, конечно, ни у кого не было. Это была настоящая таежная красавица – высокая, густая, прямая и с ветвями, которые расходились на концах, как звездочки» [Ефросинина, 2006а, с. 150–151].

Из приведенного текста становится очевидным, что в советское время после «реабилитации» елки в конце 1930-х гг. на «периферии», в двух тысячах километров от Москвы, в «Разведывательно-геологической базе номер три» рубили елки, но поскольку мать Чука и Гека находилась с детьми в тайге и стоял сильный мороз, то они могли себе позволить срубить одну живую елку и украсить дом, не уходя далеко в лес. И кроме того, в «центре» (Москва) елочные игрушки были намного лучше, чем самодельные, изготовленные на «периферии». Примечательно, что в том же учебнике тему вырубки можно увидеть далее в стихотворении Сергея Михалкова (1913–2009) «В снегу стояла елочка». В стихотворении елочке кажется, что лесник собирается ее срубить, но, очнувшись, она обнаруживает, что вся украшена стеклянными фонариками, горящими на ветвях:

Несрубленная! Целая!
Красива и крепка!..
Кто спас, кто раздел ее?
Сынишка лесника
[Ефросинина, 2006а, с. 149].

Как видно из подборки текстов по новогодней тематике, автор-составитель Л. А. Ефросинина, удостоенная премии Президента Российской Федерации в области образования, выбрала контрастные тексты с позиции воспитания у детей экологического сознания. Если контрастность текстов *сознательная*, то, стало быть, во время урока учительница тему вырубки / невырубки ёлок призвана акцентировать и делать темой для обсуждения, в противном случае у ребенка останется амбивалентное отношение к вырубке / невырубке новогодних ёлок.

Тема вырубки / невырубки встречается в российских учебниках постсоветской эпохи. Нравственное послание, направленное на сохранение (невырубку) ёлок в канун Нового года, заключает в себе рассказ Сергея Михалкова «Новогодняя бэль». В рассказе не сбывается предсказание севшей на макушку Ёлочке сороки («Тебя все равно срубят») [Климанова и др., 2010, с. 204]. Отец двух детей 31 декабря встряхнул Ёлочку от снега и разукрасил «легкими цветными стеклянными шарами», «тонкими серебряными нитями», а макушку Ёлочке украсили «большой золотой звездой».

Из описанного выше видно, каким образом украшали ёлки в советское время. Но это замечает только взрослый читатель рассказа. Ключевым моментом является мифологизированная концовка. После того, как 1 января отец с детьми встали на лыжи и направились к украшенной Ёлочке, дети отметили: «<...> хорошо придумал папа! Это будет наша новогодняя Ёлочка! Мы будем так украшать ее каждый год!..» [Там же, с. 207].

Автор специально выразил свою «эко»-позицию устами детей лесничего. А в последнем абзаце рассказа уже слышен голос мифологизирующего нарратора:

Эта история случилась много, много лет тому назад. Давно уже умер старый лесничий. Живут в городе его взрослые дети. А в лесу посреди полянки, напротив нового лесничего, поднимается высокая, стройная ель, и под каждый Новый год она вспоминает своё детство... [Климанова и др., 2010, с. 207].

Важным, значимым моментом данного пассажа является факт, что традиция невырубки ёлочки передалась следующему поколению, живущему в городе. Предполагается, что взрослый читатель-родитель или учитель должен акцентировать внимание именно на тот момент, что и новый лесничий не вырубил уже «высокую, стройную ель», вспоминающую «под каждый Новый год свое детство». Почти тот же сюжет был разработан в стихотворной форме у самого же Сергея Михалкова в стихотворении «В снегу стояла елочка» [Ефросинина, 2006а, с. 149].

Тема вырубки / невырубки прорабатывается и заостряется и в армянских учебниках. В армяноязычном учебнике для 2 класса приводится рассказ Гайка Вартаняна «Ёлка», в которой маленькая девочка из-за нужды продает пока еще несрезанную новогоднюю елочку, посаженную ее отцом, умершим два года назад. Покупатель-нарратор во время разговора с ребенком незаметно бросает монетку в ее карман и говорит: «Знаешь, пусть останется ёлка, не срезай память отца» [Кюркчян, Тер-Григорян, 2010а, с. 96]. К сожалению, девочка не заметила монетку и продолжала кричать: «Ёлка, ёлка, новогодняя ёлка, ёлка» [Там же]. В рассказе много умышленных недосказанностей, что может стать темой для обсуждения учениками на уроке. Продаст ли девочка новогоднюю ёлку, срежут ли ёлку, уничтожив тем самым существенный фрагмент памяти о погибшем отце и т. д.? Хочется надеяться, что обсуждаемая тема повысит рефлексию о невырубке ёлочки, поскольку эта тема эмпатически связана еще и с погибшим отцом ребенка, что, в свою очередь, учит детей, чтобы они росли и выросли с «длинной памятью».

Если в вышеприведенном тексте вопрос вырубки ёлочки остается открытым, то в учебнике для 3 класса в рубрике «Советы мудрого» читаем, что сосна в лесу может жить 300, а иногда и 500 лет. В сосновых лесах воздух чистый и оздоровительный, и не стоит из-за нескольких дней рубить их» [Гюрджинян, Хекекян, 2011, с. 91]. Если на текстовом уровне не встречается тема вырубки ёлки, то, к сожалению, на визуальном уровне можно увидеть срубленную ёлку [Кюркчян, Тер-Григорян, 1998, с. 102]. Пример показывает ценностный и когнитивный дисбаланс между составителями книги и художником Т. Амяном, поскольку составители не проследили, и срезанная ёлка, которую держат два мальчика с двух сторон, была визуализирована.

В учебнике по русскому языку для 3 класса, составленном Багдасарян и др., читаем текст «Приглашаю в лес на ёлку»:

Я весь день ходил по лесу.
 Думал: «Ёлку принесу».
 Протоптал я сто дорожек,
 Исходил я весь лесок.
 Много ёлочек хороших,
 А вот выбрать я не смог.
 Все под снегом прячут ветки,
 И рубить любую жаль.
 Как же быть? Кто даст ответ?
 Брать мне ёлку или нет?
 Зашумел тут сильный ветер:
 «Нужно здесь вам праздник встретить».
 В класс принес я эти вести.
 И кричал «УРА!» наш класс:
 – Приходите с нами вместе
 В лес на ёлку – просим вас»
 [Багдасарян и др., 1990, с. 117].

Как видно из цитаты, ветер становится голосом, пробуждающим экосознание, иными словами, природа сама «заступается» за себя. Но, конечно, определяющую роль играет совесть, эмпативность, сознательность лирического Я («[...] рубить любую жаль»). По сути, текст моделирует обратную реакцию школьников, когда они с восхищением («УРА!») принимают глас природы («Нужно здесь вам праздник встретить»).

В учебнике русского языка для 4 класса приводится текст «Новогодняя ёлка в лесу». В рассказе Петя, приехавший к другу Ване в гости в дом, находящийся «на краю леса», предлагает украсить елку «прямо в лесу» не какими-нибудь флажками и хлопушками, а гастрономическими «игрушками»: на верхних ветках – хлеб, ягоды, на нижних – морковь, а под елкой – капуста [Есаджанян, Байбуртян, 1991, с. 152–153]. Подобное украшение ёлки дает возможность увидеть снегирей, клюющих ягоды, зайцев, грызущих капусту и морковь. В конце текста Петя отмечает: «– Ну, теперь совсем хорошо... Теперь все были на нашей ёлке» [Там же, с. 153].

По сути, во фрейм Пети попадают продукты только первичной «природы» и ничего из продуктов вторичной «природы» (флажки, хлопушки). Ёлка в этом тексте смоделирована не как простая ёлка, а как Древо жизни, вокруг которой собирается животный мир и кормится, а снегири, зайцы становятся живыми игрушками. Следует указать, что смысловой фрейм Пети зооморфен не случайно, поскольку советская дошкольная программа новогодних представлений была богата лесными персонажами [Михайлова, 1940, с. 7–11; Буш, 1940, с. 12–14], не говоря уже о знаменитом стихотворении «В лесу родилась ёлочка» (1903) Раисы Кудашевой (1878–1964):

«<...> Трусика зайка серенький // Под елочкой скакал. // Порою волк, сердитый волк, // Рысцою пробегал» [Михайлова, 1940, с. 67].

Некоторым антиподом вышеприведенных описаний является стихотворение «Что такое Новый год?»:

Что такое новый год?
Это – все наоборот:
Ёлки в комнатах растут,
Белки шишек не грызут,
Заяц рядом с волком
На колючей ёлке!
Дождик тоже не простой:
В Новый год он золотой...
Даже Дедушка Мороз
Никому не шиплет нос
[Есаджанян, Байбуртян, 1991, с. 153].

В стихотворении Новый год описывается как инверсия обыденного, природы («[...] Ёлки в комнатах растут, // Белки шишек не грызут») и проявление элемента сюрреалистического, т. е. совмещение несовместимого (Заяц рядом с волком // На колючей ёлке!)

Животный мир встречается также вокруг ёлки и в стихотворении М. Ивенсен «Ёлочка», но курьез в том, что во время морозов, вместо спячки, медведи собираются вокруг ёлочки:

– Ёлочка, ёлка,
Колкая иголлка,
Где ты выросла?
– В лесу.
– Что вы видела?
– Лису.
– Что в лесу?
– Морозы,
Голые березы,
Волки и медведи –
Вот и все соседи...
[Есаджанян, Ханзратян, 2008, с. 69].

Из вышеприведенных текстов видно, что сознание автора рассказа «Новогодняя ёлка в лесу» было «пропитано» «вещным миром» советских дошкольных новогодних утренников и канонизированных текстов по принципу «25-го кадра», или «фоновых практик»⁸. Сказанное проиллюстрируем еще и на примере рассказа А. Кононова «Ёлка в Сокольниках», в котором ёлочные игрушки были зооморфные (медведи, зайцы, слоны) [Кононов, 1962; Книга для чтения, 1984, с. 29].

⁸ Подробнее см.: [Волков, Хархордин, 2008, с. 18].

В том же учебнике Есаджанян и Байбуртян можно найти два антитекста по отношению к вышеприведенному. Если в тексте «Новогодняя ёлка в лесу» ёлка не вырубается, то в тексте «Ёлка в лесу» – срубленная ёлка уже «стоит посреди большого класса, и Таня, и Аленка вместе со всеми своими товарищами ходят вокруг ёлки и поют песни» [Есаджанян, Байбуртян, 1991, с. 143], хотя эксплицитно на это не указывается.

Опускается мотив вырубки ёлки и во многих текстах советских и постсоветских учебников.

Пример первый. В букваре советской эпохи в тексте «Ёлка»: «В лесу росла ёлка. // Принесли в школу ёлку. // У нас в школе ёлка» [Карапетян, 1960, с. 34].

Пример второй. В армянской песне читаем: «Явилась ты издалека, // Покинула ты отчий лес // Чтобы ты себя не чувствовала одинокой // Ведем мы вокруг тебя хоровод // Новый год, Новый год» (пер. Т. Симян) [Кюркчян, Тер-Григорян, 1996, с. 103].

Пример третий. По просьбе ребяташек Снеговик идет в лес за ёлкой, чтобы принести подарок-ёлку от Деда Мороза (В. Сутеев. Снеговик) [Кюркчян, Тер-Григорян, 2010б, с. 99–102].

Пример четвертый. «Мысленно в лес я пошел // Ёлочку принес // С щечками зелеными <...>» (Вреж Вардуни. Снежный танец) [Кюркчян, Тер-Григорян, 2010б, с. 99–102].

Пример пятый. «Из глубокого леса к нам в гости пришло // красивое дерево, весна-дерево <...>» (Нансен Микаэлян. Ёлка) [Гюрджинян, Хекекян, 2011, с. 87].

Таким образом, можно заключить, что школьные пособия являются «первичными» текстами для привития экологического сознания и ответственности за сохранение биосферы с целью моделирования в сознании людей более высокой ценностной системы координат – экологической или нравственной культуры. Выборка текстов по теме вырубki / невырубki новогодней ёлки по сути является индикатором осознанного / неосознанного отношения к природе не только авторов детской литературы, но и самих составителей школьных пособий. Большей частью вырубка новогодней ёлки «заглушается» или подвергается монтажу и в советских, и в постсоветских учебниках. Примеры текстов А. Кононова «Ёлка в Сокольниках», А. Гайдара «Чук и Гек», «Ёлка в лесу» показывают об отсутствии экологического сознания в 1920–1940-е гг. «Переходный» момент вырубki / невырубki можно усмотреть в стихотворении Сергея Михалкова «В снегу стояла ёлочка», а «окончательный» вариант репрезентации экологического сознания видим в тексте того же автора «Новогодняя бэль». В армянских школьных материалах также эксплицитно акцентируется невырубка новогодних ёлок в текстах «Ёлка», «Приглашаю в лес на ёлку», «Новогодняя ёлка в лесу», «Советы мудрого».

Понятие семиосферы

Для нашего последующего анализа и полного представления схемы важны также понятия «семиосфера», «семиотическое пространство», выдвинутые Ю. Лотманом. Под «семиотическим пространством», «пространством семиозиса» Ю. Лотман понимал следующее:

а) не сумма отдельных языков, а условие их существования и работы [Лотман, 2004, с. 250];

б) «Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство: это пространство мы и определяем как *семиосферу*» (курсив Ю. Лотмана. – Т. С.) [Там же, с. 251];

в) «Семиосфера – и результат, и условие развития культуры» [Там же];

г) «...структура семиосферы асимметрична. <...> Асимметрия проявляется в соотношении: центр семиосферы – ее периферия» [Там же, с. 254];

д) «...если ни один язык (в том числе и естественный) не может работать, не будучи погруженным в семиосферу, то никакая семиосфера, как отмечал еще Бенвенист, не может существовать без естественного языка как организующего стержня» [Там же];

е) «Культура организует себя в особой форме определенного “пространства-времени” и вне такой организации существовать не может: эта организация реализуется как семиосфера и, одновременно, с помощью семиосферы» [Там же, с. 259],

ж) «Семиотические системы находятся в состоянии постоянного движения. Изменяемость – закон существования семиосферы. Она изменяется в целом и постоянно меняет свою внутреннюю структуру» [Там же, с. 276].

Понятие концептосферы

Термин «концептосфера»⁹ впервые использовал Д. С. Лихачев «по типу терминов В. И. Вернадского» [Лихачев, 1993, с. 9]. «Концепты, – пишет Д. С. Лихачев, – возникают в сознании человека не только как “намекы на возможные значения”, “алгебраическое их выражение”, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. д.» [Там же, с. 5]. Из цитаты видно, что Д. С. Лихачев предлагает анализ концептов в *синхронии* и в *диахронии*.

---

⁹ Академик Ю. Степанов эту сферу именуется также «концептуализированной областью (сфера)» [Степанов, 2004, с. 44].

Академик Ю. С. Степанов предлагает немного иной подход в описании концептов. В статье «Концепт» он предлагает давать описание на лексическом, фразеологическом, текстовом уровнях, а также на уровне изречений и поговорок [Степанов, 2004, с. 42–83]. Такой подход описания концептов предлагает только диахронический срез. Как нам кажется, подход академика Лихачева эффективен для синхронного описания концептов, для социологических исследований на короткий отрезок времени. Заметим, что концептосфера входит в более объемное понятие семиосферы. Семиосфера в своем содержательном плане шире концептосферы. Последняя является составной частью семиосферы, но, в свою очередь, она дает возможность описывать процессы семиосферы.

Актуальность и осмысление сфер

Если представленный метаязык можно применить для описания культурных и социальных процессов, то, например, после 1933 г., во времена Третьего Рейха, в немецкой семиосфере на примерах текстов Э. Ремарка, Г. Гессе переосмысляются такие духовные понятия, как «братство», «товарищество», «союз» («Freundschaft», «Kameradschaft», «Bund»), и перекодируются в понятия «Volksgemeinschaft» (Volk (народ) + Gemeinschaft (общество)).

Согласно особенностям семиосферы, выявленным Лотманом, можно сказать, что в немецкой реальности «периферийные» ценности, в особенности после 1933 г., переходят в «центр». Этот период наступает после театрализованного поджога интеллектуальной продукции предшествующей эпохи. Отодвигаются на «периферию» «центральные», либеральные тексты Веймарской эпохи и их место занимают «центральные» нацистские тексты Гитлера «Моя борьба», Альфреда Розенберга «Миф XX века» и «субцентральный» нацистский литературный, художественный дискурс¹⁰.

Осознание концептосферы дает возможность на основе имеющихся текстов описывать и анализировать культурные ценности.

Интересно наблюдать, как концептосфера и семиосфера описывают семантическое поле «мы», но интереснее будет, если исследователь проанализирует также семантическое поле «они». Оппозиция «мы» / «они» открывает большие горизонты для описания, сравнения культур, для типологических и культурных исследований. Нацистский режим распространил свое «мы» на другие семиосферы («они»), т. е. данный режим хотел уничтожить диалог, утвердить «монолог» арийской нацистской культуры.

Отмеченные понятия «биосфера» – «техносфера» – «гомосфера» – «ноосфера» в общей сложности не становятся «орудием» для анализа

¹⁰ Подробнее об этом см. [Симян, 2012].

культуры, его описания, но осознание этих сфер позволяет диагностировать режимы, социум, т. е. они необходимы, чтобы понять морально-этические задачи данного общества. Сознает ли общество с позиции «мы» другую культуру («они»), несет ли социум ответственность перед грядущим поколением, человечеством в целом. В этом плане ценен моральный императив, будущего, выдвинутый Хансом Йонасом: «Поступай так, чтобы последствия твоих же действий были совместимы с постоянностью подлинно человеческого бытия на Земле» [Хуниг, 1989, с. 406]. Вряд ли разжигатели войны и национально-политическая элита, создавшая «инфраструктуру» для уничтожения людей, думала об экологии. Не случайно идея ноосферы возникла у Вернадского в период Второй мировой войны. Введенное им понятие ноосферы можно считать скрытым призывом к моральной ответственности, направленной против *тоталитарного* и *авторитарного режимов* в настоящем и будущем. Так как ноосфера должна была строиться на общечеловеческих гуманных основах, она признает оппозицию «мы» / «они». Она основана на отдельных семиосферах: на основе культур («мы») формируется общечеловеческое «мы». Таким образом, из отдельных культурных «мы» должно формироваться общечеловеческое «мы».

С 1933 г. нацистская пропаганда приглушила общечеловеческие ценности и «полифонию» собственной культуры и начала угрожать всем другим национальностям, находящимся вне арийской культуры, арийской аксиологической системы. Следовательно, призыв Вернадского не был лишен основания: это было глубоко осознанное предложение, построенное на том, что ноосфера должна была противопоставить общечеловеческое «мы» националистскому, арийскому «мы».

Необходимо отметить, что в нынешнее время арийское «мы» нейтрализовано, однако ноосфере и семиосфере угрожает глобальная, сформированная медиаканалами инфосфера, угроза «медиаферы». Дуглас Рашкофф в книге «Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание» описывает, как медиавирусы¹¹ распространяются в «медиапространстве» или в инфосфере и блокируют жизнедеятельность культуры, меняя ее гены. Под понятием «инфосфера», или «медиапространство», Дуглас Рашкофф понимает «новую территорию, открытую для человеческого взаимодействия, расширения экономики и, в особенности, для социальных и политических махинаций» [Рашкофф, 2003, с. 6].

Инфосфера – это информационное, идеологическое и иконическое пространство, где медиаактивисты с помощью медиавирусов в «протеиновых

¹¹ «Если мы хотим, – пишет Рашкофф, – понять инфосферу как расширение планетарной экосистемы или хотя бы как питательную среду, в которой развиваются новые идеи нашей культуры, тогда мы должны признать тот факт, что медиа-события, вызывающие подлинные социальные перемены, – это не просто троянские кони. Это **медиавирусы**» [Рашкофф, 2003, с. 6].

оболочках» (например, музыкальное выражение, визуальный образ, научная теория, сексуальный скандал, поп-звезда и пр.) кодируют «видиотов, не способных к принятию разумных решений или слишком пассивных, чтобы воплощать их в жизнь» [Там же, с. 3].

Культура как основа гомосферы и ноосферы

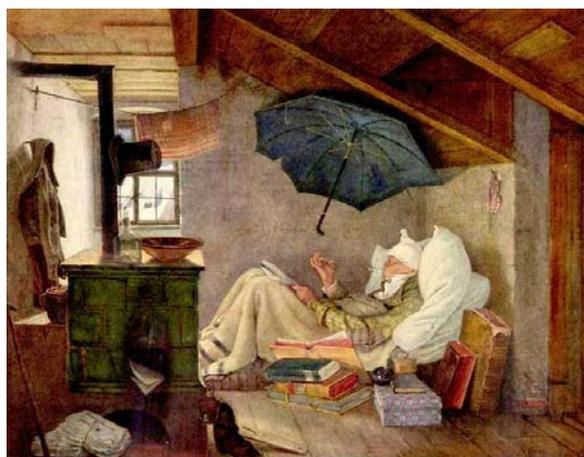
Основное положение этого подзаголовка следующее: деятели искусства и само искусство являются единственным средством для создания гомосферы и ноосферы, так как человек является биосоциальным существом (*Zoon Politikon*, Аристотель). Человек освобождается от своей животной сути, от принадлежности к биосфере с помощью символов, знаков (*animal symbolicum*)¹², на основе чего формируются другие семиотические системы (религия, литература и пр.), или, по определению Ю. М. Лотмана, «вторичные моделирующие системы».

Вяч. Вс. Иванов в статье «Интеллигенция как проводник в ноосферу» называет создателем ноосферы интеллигенцию: «Ни Тейяр де Шарден, ни Вернадский не знали, как именно в деталях может осуществиться движение к ноосфере и ее дальнейшее обогащение. Но они понимали, что важно обеспечить движение общества в этом направлении. Именно эта задача по плечу интеллигенции» [1991, с. 631]. Сказанное Вяч. Вс. Ивановым возможно, если под интеллигенцией подразумевать определенную «касту» людей (политические деятели, образованные, профессиональные высокопоставленные военные, представители фундаментальных наук и пр.), т. е. *носителей культурных и духовных ценностей*, которые во взаимоотношениях «личность – биосфера – техносфера – общество» руководствуются исключительно этическими *принципами и ценностями* (гуманизм, этичность, толерантность и т. д.).

А как можно в потенциале сделать культуру основой создания ноосферы? «Социологический или прагматический аспект искусства и эстетики, – пишет Вяч. Вс. Иванов, – в этом понимании становится производным от идеи ноосферы. Более того, сохранение этой последней становится невозможным без сохранения и развития искусства. Не может быть кусочной ноосферы; она существует как единое целое, каждая часть которого нужна для ее продолжения. В этом смысле принцип правдивости только целой структуры применим к процессу развития ноосферы как единства (или отдельных временных подразделений)» [1991, с. 19]. Бесспорно, в этом утверждении Вяч. Вс. Иванов прав, но внесем небольшую корректировку: имеющая моральные принципы, противопоставленная всему миру интел-

¹² Подробнее об этом см. [Кассирер, 1988]. Этой задаче посвящен, например, рассказ Ф. Кафки «Отчет для академии», где описывается, как обезьяна превращается в человека, который, в свою очередь, рассказывает о пройденном пути. Анализ этого рассказа см. [Макарян, Симян, 2009].

лектуальная личность, как, например, изображенная на картине Карла Шпицвега (1805–1885) «Бедный поэт» («Der arme Poet», 1839)¹³, не способна создать гомосферу и ноосферу. Для этого необходима модель «интеллектуала хозяина» (Золя, Сартр, Бурдьё)¹⁴. Подобный тип интеллектуала, полагаем, не может взять на себя центральную роль в обществе с целью изменения общественной жизни как таковой, поскольку его целью являются *гуманизм, принципы рациональности, обеспечения прогресса* и их распространение. «Истина, – пишет Ниило Кауппи, – не в центре, а на обочине: истина всегда против политического истеблишмента и на стороне угнетенных, обездоленных, слабых» [2000]. Заметим, что в 1920–1930 гг. мы наблюдаем в Германии интеллектуалов модели «интеллектуал-хозяин», боровшихся против нацизма.

К. Шпицвег. Бедный поэт («Der arme Poet», 1839)

¹³ Ясно, что эта картина «открыта» для интерпретаций. Трудно точно определить, беден ли поэт из-за того, что не талантлив, его интеллектуальная деятельность никому не нужна, или же он опережает время и его современники не способны понять его произведения, оценить его творчество в духовном и материальном плане. Если приемлема последняя интерпретация, значит, он вносит ощутимый вклад в дело создания гомосферы и ноосферы.

¹⁴ Заметим, что П. Бурдьё от своих предшественников-одинок (Золя, Сартр) отличается тем, что он превращается в интеллектуала-менеджера, который управляет не только научной империей, но также и издательством. Подробнее об этом см. [Кауппи, 2000].

Неопрровержим тот факт, что развитие искусства, культуры обусловлено действием политического режима, его волей, желанием. В этом плане интересно интервью Пьера Бурдьё, данное Карлу-Отто Маю и получившее название «Поле интеллектуальной деятельности, как особый мир». Идея интервью в том, что «поля культурного производства занимают подчиненную позицию в поле власти: именно этот основополагающий факт игнорируется обычными теориями искусства и литературы. Или, переводя на более распространенный язык, я мог бы сказать, что артисты и писатели, и в более общем виде интеллектуалы, это подчиненная часть господствующего класса» [Бурдьё, 1994].

Это утверждение полностью обоснованно, так как именно политическое поле определяет культурную политику, следовательно, и литературную¹⁵. В сущности, эта идея не нова. К связи «государство – культура (искусство)» обратился романтик Вильям Блейк. «Искусство и науки, – пишет В. Блейк, – лежат в основании империи. Изгоните их или подавите – и империя перестанет существовать. Империя следует за искусством, а не наоборот, как думают англичане» [1980, с. 259]. Отмеченная Блейком связь империи и культуры обоснованна и актуальна, так как отсутствие культуры, духовности зомбирует общество. В подобном обществе, государственной структуре материальная выгода, деньги кодируются как наиважнейшая ценность (в основном в скрытом виде). Выходит, что в таких обществах не может существовать свободное, открытое литературно-художественное пространство. «Автономия полей, – пишет Бурдьё, – культурного производства – это структурный фактор, диктующий форму внутренней борьбы в поле» [1994]. Точно так же и в 1933 г. нацисты ограничили самоуправление литературного пространства и «убили» сформированное в начале века многоголосое литературное пространство.

Таким образом, «путь» от биосферы до ноосферы существенно важен для описания политических систем и морально-этического пласта в культуре и литературе. При обсуждении подобных задач важной и острой становится также роль интеллектуала, «интеллектуала-хозяина», который ставит диагнозы больному обществу, авторитарным и тоталитарным режимам, кроме того, правильно и рефлексированно структурирует учебные пособия для формирования экосознания в подрастающем поколении.

---

¹⁵ Под термином «литературное поле» Бурдьё имел в виду следующее: «Поле литературы есть поле сил и в то же время поле борьбы, которые направлены на трансформацию или сохранение установленного отношения сил: каждый из агентов вкладывает силу (капитал), приобретенную в ходе предшествующей борьбы, в стратегии, зависящие по своей направленности от позиции агента в распределении сил, т. е. от его специфического капитала» [1994].

Список литературы

Адорно Т. О технике и гуманизме // *Философия техники в ФРГ*. М.: Прогресс, 1989. С. 364–371.

Багдасарян Н. Б., Байбуртян Н. А., Геодакян И. М. Русский язык: Учебник для III класса одиннадцатилетней армянской школы. 2-е изд. Ереван: Луйс, 1990. 268 с.

Блейк В. Из аннотации к «Рассуждениям» сэра Д. Рейнолдса // *Литературные манифесты западноевропейских романтиков* / Под ред. А. С. Дмитриева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 259–260.

Бурдьё П. Поле интеллектуальной деятельности как особый мир (Интервью с Карлом-Отто Мау. «Norddeutschen Rundfunk», Гамбург, декабрь 1985 г.) // Бурдьё П. *Начала*. Choses dites. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

Буш М. Дед Мороз у малышей (Сценарий новогоднего праздника) // *Ёлка: художественный материал для детей дошкольного возраста*. М.: Наркомпрос, 1940. 96 с.

Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // *Успехи современной биологии*. 1944. Т. 18, вып. 2.

Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

Горелов А. А. Концепции современного естествознания. М.: Владос, 2003. 512 с.

Гюржинян Д., Хекекян Н. Родной язык – 3: Учебник для общеобразовательных школ. 2-е изд., перераб. Ереван: Эдит-Принт, 2011. 160 с.

Есаджанян Б. М., Байбуртян Н. А. Русский язык: для IV класса одиннадцатилетней армянской школы. 5-е изд., доп. и перераб. Ереван: Луйс, 1991. 335 с.

Есаджанян Б. М., Ханзратян В. М. Солнышко: Учебник для учащихся 3-го класса общеобразовательных школ. Ереван: Эдит Принт, 2008. 160 с.

Ефросинина Л. А. Литературное чтение: Учебная хрестоматия для учащихся 2 класса общеобразовательных учреждений. М.: Вентана-Граф, 2006а. 160 с.

Ефросинина Л. А. Литературное чтение: 2 класс: Учебник для учащихся общеобразовательных учреждений: В 2 ч. 4-е изд., перераб. М.: Вентана-Граф, 2006б. Ч. 1. 160 с.

Запесоцкий А. С. Д. С. Лихачев – великий русский культуролог. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006а.

Запесоцкий А. С. Адвокат российской культуры // *Журнал российского права*. 2006б. № 12. С. 137–141.

Иванов Вяч. Вс. Эволюция ноосферы и художественное творчество // *Ноосфера и художественное творчество*. М.: Наука, 1991. С. 3–19.

Карпетян Т. К. Букварь для армянских школ. 11-е изд. Ереван: Армучпедгиз, 1960. 112 с.

Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии / Сост. и послесл. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1988. С. 3–30.

Кауппи Н. Социолог как моралист: «практика теории» у Пьера Бурдьё и французская интеллектуальная традиция // НЛО. 2000. № 45.

Климанова Л. Ф., Горецкий В. Г., Голованова М. В. Литературное чтение. 2 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. 7-е изд. М.: Просвещение, 2010. Ч. 1. 224 с.

Книга для чтения: Учебник для 1 класса / Сост. В. Г. Горецкий и др. М.: Просвещение, 1984. 287 с.

Кононов А. Т. Елка в Сокольниках // Хрестоматия по детской литературе: Учеб. пособие для дошкольных педагогических училищ / Сост. М. К. Боголюбская, А. Л. Табенкина. М.: Учпедгиз, 1962. 519 с.

Кюркчян А., Тер-Григорян Л. Букварь: Учебник для первого класса. Ереван: Луйс, 1996. 109 с. (на армян. яз.)

Кюркчян А., Тер-Григорян Л. Букварь: Учебник для первого класса. Ереван: Луйс, 1998. 112 с. (на армян. яз.)

Кюркчян А., Тер-Григорян Л. Букварь. Ереван: Эдит-Принт, 2010б. 128 с. (на армян. яз.)

Кюркчян А., Тер-Григорян Л. Родной язык: Учебник для 2 класса общеобразовательной школы. Ереван: Эдит-Принт, 2010а. 160 с. (на армян. яз.)

Ленк Х. Ответственность в технике, за технику, с помощью техники // Философия техники в ФРГ / Сост. и предисл. Ц. Р. Арзаканяна, В. Г. Горохова. М.: Прогресс, 1989. С. 372–392.

Лихачев Д. С. Экология культуры // Памятники отечества. 1980. № 2.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 1.

Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. СПб.: АРС, 2006. Т. 3. 509 с.

Лотман Ю. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.

Макарян А., Симян Т. «Отчет для академии» Франца Кафки (опыт анализа) // Армянский язык и литература. 2009. № 3–4. С. 26–43. (на армян. яз.)

Манн Т. Волшебная гора / Пер. В. Станкевич. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 3. 500 с.

Маринетти Ф. Т. Первый манифест футуризма // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века / Сост., предисл., общ. ред. Л. Г. Андреева. М.: Прогресс, 1986. С. 158–162.

Михайлова Л. Снежный дом (Сценарий новогоднего праздника) // Ёлка: художественный материал для детей дошкольного возраста. М.: Наркомпрос, 1940. 96 с.

Ноосфера и человек. Труды семинара «Человек за ноосферу» (1984–1988 гг.). М.: ИНТО, 1991. 364 с.

Путило Н. В. Важный документ для регулирования отношений в области культуры // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 147–148.

Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра. Культура, 2003.

Симян Т. С. Религиозность нацизма и эстетизация нацистской политики (семиотический аспект) // Критика и семиотика. 2012. № 16. С. 95–105.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.

Хайнце К. От систематизации знаний к педагогизации. Дискурсно-аналитические подходы и инновационно-теоретические перспективы // «Начало учения дѣтемъ»: роль книги для начального обучения в истории образования и культуры / Под ред. В. Г. Безрогова, Т. С. Макаровой. М.: Канон+, 2014. С. 447–463.

Хунинг А. Инженерная деятельность с точки зрения этической и социальной ответственности // Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989. С. 404–419.

Article metadata

Title: From Biosphere to Noosphere: Theory and Practice

Author: T. S. Simyan

Author's e-mail: tsimyan@ysu.am

Author's affiliation: Yerevan State University

Abstract. In the present article it is critically analyzed the following concepts *Biosphere, Technosphere, Concept Sphere, Semiosphere, Homosphere, Noosphere*. These concepts are offered as a meta-language for the cultural, social processes description, as well as the political systems description. During the analysis of such problems, it becomes very important to focus on discussion of the role of the intellectual, «an intellectual host» who diagnoses the sick society, authoritarian and totalitarian regimes. Besides, the article studies the ecological consciousness on the example of the motif of cutting down of the New Year tree in children's literature, published in the Soviet and post-Soviet textbooks. The presence or absence of these motifs becomes an indicator of environmental awareness, responsibility and its transfer to the next generation. The description of this motif is also a reflection of the value component of the political «top» (the USSR censorship) and intellectuals (authors, compilers, etc.) in the Soviet age. The analysis of the empirical material showed that the motif of the cutting down of the New Year tree is mostly suppressed in the textbooks of the Soviet and post-Soviet era.

Key terms: Biosphere, Technosphere, Concept sphere, Semiosphere, Homosphere, Noosphere, intellectuals, environmental awareness, school textbooks, cutting down trees, Christmas texts.

Reference literature (in transliteration):

Adorno T. O tekhnike i gumanizme [About technology and humanism]. In: *Filosofiya tehniki v FRG* [Philosophy of technology in Germany]. Moscow, Progress, 1989, p. 364–371. (in Russ.)

Bagdasarjan N. B., Bajburtjan N. A., Geodakjan I. M. Russkiy yazyk [Russian language]. A textbook for the third grade of eleven-year-old Armenian school. 2nd ed. Erevan, Lujs, 1990, 268 p. (in Russ.)

Blake W. Iz annotatsii k “Rassuzhdeniyam” sera D. Reynoldsa [From the annotations to the “Discourses” by Sir D. Reynolds]. In: Dmitriev A. S. (ed.). *Literaturnye manifesty zapadnoevropeiskikh romantikov* [Literary manifests of Western European romantics]. Moscow, Moscow State University Publ., 1980, p. 259–260. (in Russ.)

Bourdieu P. Pole intellektual'noi deyatel'nosti kak osobyi mir (Interviyu s Karlom-Otto Mau. «Norddeutsshen Rundfunk», Hamburg, dekabr' 1985 g.) [Field of intellectual activity as a special world (Interview with Karl-Otto Mau. “Norddeutschen Rundfunk”, Hamburg, December of 1985)]. In: Bourdieu P. *Nachala. Choses dites* [Beginnings. Choses dites]. Moscow, Socio-Logos, 1994, 288 p. (in Russ.)

Bush M. Ded Moroz u malyshey (Stsenariy novogodnego prazdnika) [Santa Claus by Babies (Scenario of the New Year Holiday)]. In: *Elka: khudozhestvenny material dlya detey doshkol'nogo vozrasta* [Christmas Tree: Art Material for Preschool Children]. Moscow, Narkompros Publ., 1940, 96 p. (in Russ.)

Vernadskiy V. I. Neskol'ko slov o noosfere [A few words about the noosphere]. *Uspekhi sovremennoy biologii* [Progress in modern biology], 1944, no. 18, iss. 2. (in Russ.)

Volkov V. V., Kharkhordin O. V. Teoriya praktik [Theory of practices]. St. Petersburg, Europe University in St. Petersburg Publ., 2008, 298 p. (in Russ.)

Gorelov A. A. Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya [Concepts of modern science]. Moscow, Vldos Publ., 2003, 512 p. (in Russ.)

Gjurzhinjan D., Hekekjan N. Rodnoy yazyk – 3 [Native language – 3]. Textbook for secondary schools. 2nd ed. Erevan, Jedit-Print, 2011, 160 p. (in Russ.)

Esadzhanjan B. M., Bajburtjan N. A. Russkiy yazyk [Russian language]. For IV grade of eleven-year-old Armenian school. 5th ed. Erevan, Lujs, 1991, 335 p. (in Russ.)

Esadzhanjan B. M., Hanzratjan V. M. Solnyshko [Sun]. Textbook for students of the 3rd grade of secondary schools. Erevan, Jedit Print, 2008, 160 p. (in Russ.)

Efrosinina L. A. Literaturnoe chtenie [Literary reading] Educational reader for pupils of the 2nd grade of general education institutions. Moscow, Ventana-Graf Publ., 2006, 160 p. (in Russ.)

Efrosinina L. A. Literaturnoe chtenie [Literary reading]. Grade 2. A textbook for students of general education institutions. In 2 Parts. 4th ed. Moscow, Ventana-Graf Publ., 2006, part 1, 160 p. (in Russ.)

Zapesotskiy A. S. D. S. Lihachev – velikiy russkiy kul'turolog [D. S. Likhachev – the great Russian culture researcher]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006. (in Russ.)

Zapesotskiy A. S. Advokat rossiyskoy kul'tury [Lawyer of Russian culture]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2006, no. 12, p. 137–141. (in Russ.)

Ivanov Vyach. Vs. Evolyutsiya noosfery i khudozhestvennoe tvorchestvo [The evolution of the Noosphere and artistic creativity]. In: Noosfera i khudozhestvennoe tvorchestvo [Noosphere and artistic creativity]. Moscow, Nauka, 1991, p. 3–19. (in Russ.)

Karapetyan T. K. Bukvar' dlya armyanskikh shkol [ABC for Armenian schools]. 11 ed. Erevan, Armuchpedgiz, 1960, 112 p. (in Russ.)

Cassirer E. Opyt o cheloveke: vvedenie v filosofiyu chelovecheskoy kul'tury [Experience about a person: an Introduction to the philosophy of human culture]. In: Problema cheloveka v zapadnoy filosofii [The Problem of Man in Western Philosophy]. Comp. by P. S. Gurevich. Moscow, Progress, 1988, p. 3–30. (in Russ.)

Kauppi N. Sociolog kak moralist: «praktika teorii» u P'era Burd'e i frantsuzskaya intellektual'naya traditsiya [Sociologist as a moralist: Pierre Bourdieu's "theory of practices" and the French intellectual tradition]. *NLO*, 2000, no. 45. (in Russ.)

Klimanova L. F. Goretskiy V. G., Golovanova M. V. Literaturnoe chtenie [Literary reading]. 2nd class. Textbook for educational institutions. In 2 Parts. 7th ed. Moscow, Prosveshchenie, 2010, part 1, 224 p. (in Russ.)

Kniga dlya chteniya [Book to read]. Textbook for 1st class. Comp. by V. G. Goretskiy et al. Moscow, Prosveshchenie, 1984, 287 p. (in Russ.)

Kononov A. T. Elka v Sokol'nikakh [Christmas tree in Sokolniki]. In: Khrestomatiya po detskoj literature [Readings on children's literature]. A textbook for preschool teacher training schools. Comp. by M. K. Bogolyubskaya, A. L. Tabenkina. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1962, 519 p. (in Russ.)

Kyurkchyan A., Ter-Grigoryan L. Bukvar' [Primer]. Textbook for the first class. Erevan, Lujs, 1996, 109 p. (in Armenian)

Kyurkchyan A., Ter-Grigoryan L. Bukvar' [Primer]. Textbook for the first class. Erevan, Lujs, 1998, 112 p. (in Armenian)

Kyurkchyan A., Ter-Grigoryan L. Bukvar' [ABC]. Erevan, Jedit-Print, 2010, 128 p. (in Armenian)

Kyurkchyan A., Ter-Grigoryan L. *Rodnoy yazyk* [Native language]. Textbook for the second grade of secondary school. Erevan, Jedit-Print, 2010, 160 p. (in Armenian).

Lenk H. *Otvetstvennost' v tekhnike, za tekhniku, s pomoshch'yu tekhniki* [Responsibility in technology, for technology, with the help of technology]. In: *Filosofiya tekhniki v FRG* [Philosophy of technology in Germany]. Comp. by C. R. Arzakanyan, V. G. Gorokhov. Moscow, Progress, 1989, p. 372–392. (in Russ.)

Lihachev D. S. *Ekologiya kul'tury* [Ecology of Culture]. *Pamjatniki otechestva* [Monuments of the Fatherland], 1980, no. 2. (in Russ.)

Lihachev D. S. *Kontseptosfera russkogo yazyka* [Russian conceptual sphere]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language], 1993, vol. 52, no. 1. (in Russ.)

Lihachev D. S. *Vospominaniya. Razdum'ya. Raboty raznykh let* [Memories. Thinking. Works of different years]. St. Petersburg, ARS, 2006, vol. 3, 509 p. (in Russ.)

Lotman Yu. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2004, 704 p. (in Russ.)

Makaryan A., Simyan T. «*Otchet dlya akademii*» Franca Kafki (opyt analiza) [“Report for the Academy” by Franz Kafka (analysis experience)]. *Armjanskiy yazyk i literatura* [Armenian language and literature], 2009, no. 3–4, p. 26–43. (in Armenian).

Mann T. *Volshebnaya gora* [Magic mountain]. Transl. by V. Stankevich. Moscow, 1959, vol. 3, 500 p. (in Russ.)

Marinetti F. T. *Pervy manifest futurizma* [The first manifesto of futurism]. In: *Nazyvat' veshhi svoimi imenami* [Calling a spade a spade]. Program speeches by masters of Western-European literature of the 20th century. Comp., ed. by L. G. Andreev. Moscow, Progress, 1986, p. 158–162. (in Russ.)

Mikhailova L. *Snezhny dom* (Scenariy novogodnego prazdnika) [Snow House (Scenario of the New Year's holiday)]. In: *Elka: khudozhestvenny material dlya detey doshkol'nogo vozrasta* [Christmas tree: art material for preschool children]. Moscow, Narkompros Publ., 1940, 96 p. (in Russ.)

Noosfera i chelovek. Trudy seminar «Chelovel za noosferu» (1984–1988 gg.) [Noosphere and man. Proceedings of the seminar “Person for the Noosphere” (1984–1988)]. Moscow, INTO, 1991, 364 p. (in Russ.)

Putilo N. V. *Vazhny dokument dlya regulirovaniya otnosheniy v oblasti kul'tury* [An important document for regulating relations in the field of culture]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2006, no. 12, p. 147–148. (in Russ.)

Rashkoff D. *Mediavirus. Kak pop-kul'tura taino vozdeistvuet na vashe soznanie* [Mediavirus! Hidden Agendas in popular culture]. Moscow, Ul'tra. Kul'tura Publ., 2003. (in Russ.)

Simyan T. S. Religioznost' natsizma i estetizatsiya natsistskoy politiki (semioticheskiy aspekt) [Religious Nazism and aestheticization of Nazi politics (semiotic aspect)]. *Critique and Semiotics*, 2012, no. 16, p. 95–105. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004. (in Russ.)

Haintse K. Ot sistematizatsii znaniy k pedagogizatsii. Diskursno-analiticheskie podkhody i innovatsionno-teoreticheskie perspektivy [From systematization of knowledge to pedagogization. Discourse-analytical approaches and innovative theoretical perspectives]. In: Bezrogov V. G., Makarova T. S. (eds.). «Nachalo ucheniya detem»: rol' knigi dlya nachal'nogo obucheniya v istorii obrazovaniya i kul'tury [“Beginning of the Teaching of the Child”: the role of the book for elementary education in the history of education and culture]. Moscow, Kanon+ Publ., 2014, p. 447–463. (in Russ.)

Huning A. Inzhenernaya deyatelnost' s tochki zreniya eticheskoy i sotsial'noy otvetstvennosti [Engineering in terms of ethical and social responsibility]. In: *Filosofija tehniki v FRG* [Philosophy of technology in Germany]. Moscow, Progress, 1989, p. 404–419. (in Russ.)